

ДЕСЯТЫЙ ЕВРЕЙ

Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим),
напечатано здесь с разрешения автора

Жил в украинском городе Ровно раввин, известный как Реб Лейб Сорес, один из «тайных» праведников. (Его необычная фамилия служила свидетельством самоотверженности его великой матери Соре (Сары), вдовы, которая одна, невзирая на тяготы бедности, сумела воспитать его в духе Торы, хасидизма и благотворительности.) То было второе поколение движения хасидизма (конец восемнадцатого века). Он проводил много времени в странствиях, собирая деньги для выполнения заповеди *Пидьон Швум* (выкупа несправедливо заточенных людей) и для других важных, часто секретных дел.

Однажды, несколько дней накануне Йом Кипура, он ночевал в одной деревне. В это время начался проливной дождь, и разбитые деревенские дороги быстро превратились в грязное месиво. Наш странник стал спрашивать местных жителей, попытается ли кто-нибудь все-таки проехать к городу, в котором он собирался провести Йом Кипур. Но ему сказали, что и в их деревне будет Миньян на этот праздник. Жили там восемь еврейских мужчин и подростков, а еще двое придут из другой деревушки в лесу. Был и свиток Торы. И он решил, что, должно быть, на то воля Б-га, что он должен молиться вместе с этими деревенскими евреями.

В день накануне Йом Кипура, окунувшись на *твилу* в реке, он направился в наскоро устроенную синагогу и начал подготавливаться душой к молитве Минха. Собрались и восемь местных евреев. Но им пришлось молиться Минху без Миньяна, ибо два посетителя из другой деревни еще не прибыли. Затем они вновь разошлись на последнюю трапезу перед постом.

По окончании трапезы раввин пошел обратно в синагогу, надел *китель* и *талит*, и погрузился в свои молитвы перед началом молитвы Коль Нидрей. Вдруг он почувствовал, что обстановка в комнате изменилась. Люди с беспокойством говорили о том, что солнце уже зашло, наступал час молитвы Коль Нидрей, а те двое так и не пришли.

Затем отворилась дверь. Но показавшийся в ней человек в овечьем тулупе и фуражке, не был евреем.

- Меня послала панна Ривка, - начал он на украинском диалекте, известном, как «гойский». – Сегодня утром увели Йоселя и Мошку. Их арестовал жандарм за воровство, но Ривка говорит, что это неправда. Она все время плачет и просит вас молиться за них.

Десятый еврей

В соседней комнате, где собрались женщины, начался плач. Затем в комнате поднялся шум, несколько человек одновременно пытались выбить из крестьянина дополнительную информацию, другие обсуждали возможные варианты развития событий. Только раввин не принял участия во всем этом. Он стоял в своем углу и шептал:

- Владыка мира! Благодарю Тебя за то, что заставил меня здесь остаться. Надеюсь, Ты поможешь мне в скором времени освободить этих людей, ибо в этом заключается цель моей задержки. Но неужели я должен молиться без Миньяна в этот священный день?

А затем громко провозгласил:

- Евреи! Давайте не забывать, что нас просили молиться за этих людей, а не говорить и думать о том, как их спасти. Об этом можно подумать и потом. Сначала надо помолиться, ибо говорю я вам: то, что их арестовали именно сегодня, в этот день календаря, означает, что сегодня и сейчас их дело рассматривается Верховным судом на Небесах. И дело решат наши с ними молитвы. А теперь, у меня такое чувство, что нам, возможно, все-таки удастся помолиться Маарив в Миньяне. Куда увели этих людей?

Кто-то ответил:

- Гой сказал, что их увезли в Ровно.

- Коль так, - ответил раввин, - значит, не они дополняют наш Миньян. Кто-нибудь еще ожидал гостей?

Никто не ожидал.

- Кому-нибудь известно об еще одном еврее в округе? Который, может быть, не общается с другими евреями? Есть в деревне *мешумад*, еретик?

- *Мешумад*?! – изумленно воскликнули сразу несколько человек.

- Конечно, - продолжал раввин, - почему бы и не *мешумад*? Разве он не может раскаться? Врата *тишув*, раскаяния никогда не закрыты, даже перед еретиком. Я слышал от своих наставников, что даже если чуть теплый пепел немного поворошить, то можно наткнуться на запрятанный где-то в нем горячий уголек, от которого удастся зажечь огонь. Да и разве мы только что не сказали: «Даем разрешение молиться вместе с грешниками»? Так есть здесь *мешумад*?

В ответ заговорил самый старый из собравшихся.

- Да, раби, есть. Уже пятьдесят лет как отошедший от традиции. Поселился тут один бедный молодой человек. Носил он модную одежду и позволял себе многие вольности. Но он был умён. Он немного учился и писал по-польски и по-русски. И *пориц*, местный помещик, нанял его секретарем. А затем в него влюбилась единственная дочь помещика, и он, - да будь он проклят! – продал свою веру за золото помещика! И теперь он сам помещик и ненавидит евреев сильнее любого антисемита!

Десятый еврей

- А что случилось с женщиной? – спросил раввин.

- Она давно умерла. Не осталось никого, кроме самого этого еретика, и живет он один со своим слугой. Он круто обращается со своими подчиненными и даже не навещает соседних помещиков.

Раввин на минуту закрыл глаза. А затем сказал тихо, но любопытным образом подчеркивая слова:

- Продался, говорите?.. И это Йом Кипур его пятидесятого года?.. А ведь это подходящее время для освобождения раба! «И возвратитесь каждый к своему наследию и к семье отцов...» Надо попробовать. Где его поместье?

- Вы хотите к нему пойти?! Он спустит на вас своих собак!

- Обо мне не беспокойтесь, - отвечал раввин. – *Шлах Мицва*, человек, находящийся на миссии исполнения заповеди, удостоивается особой защиты. Но молитесь за мой успех. Молитесь за ту бедную заблудшую душу и простите ему, откажитесь от своих личных к нему претензий. Если я не вернусь через полчаса, то начинайте Маарив без меня.

И он направился к двери, не снимая свои *китель* и *талит*. Попросив одного из мальчиков показать ему дорогу, он исчез в ночи.

Он шел быстрыми шагами, как только мог, вверх на холм, к усадьбе, его *китель* и *талит* развевались на ветру, на голове белела *кина*. Вскоре он оказался на вершине холма, перед воротами усадьбы. Все было темно. Казалось, что поместье заброшено. Он смело вошел в широкий въезд, готовый к тому, что его попытаются остановить или задержать, затем прошел под высокой аркой и поднялся по каменной лестнице. Он постучал в тяжелую дверь и повернул ручку. Дверь оказалась незапертой. Он открыл ее, вошел в просторную прихожую и вдруг оказался лицом к лицу со старым помещиком. Его взгляд встретился с изумленным взглядом хозяина, и несколько длинных мгновений они стояли друг против друга в тишине, лицом к лицу, еретик и праведник. Уверенный в своей миссии, реб Лейб смотрел на помещика немигающим взглядом, твердым и бесстрашным. Вспыхнувший было гнев помещика уступил под воздействием доброго и всепроникающего взгляда раввина. Невольно он почувствовал, что почти околдован этим сияющим ликом святого, стоящим перед ним.

- Меня зовут Лейб Сорес, - сказал раввин тихо. – Мне выпала честь знакомства с раби Исраэлем, *Бааль Шем Тов*, который вызывал восхищение даже у нееврейской аристократии и дворянства. Он как-то сказал, что каждому еврею следует молиться о спасении от опасности продать свою душу за деньги, чтобы деньги никогда не стали его богом. Мою мать, благословенна ее память, звали Сара. Она была святой. Одному из местных польских дворян приспичило жениться на ней. Он обещал ей богатство и положение в обществе. Но она освятила имя Израиля и отвергла все его соблазны. Вам не удалось выстоять в подобном испытании, и за золото и серебро вы продали свою веру, веру еврея. Но знайте, что ничто не стоит на пути искреннего раскаяния. Ничто. Знайте

Десятый еврей

также и то, что учат наши мудрецы: бывает, что человек может в один момент обрести долю в Будущем мире. Для вас такой момент настал сейчас. Сегодня, в этот вечер, наступает Йом Кипур, День Искупления. Евреям, которые живут вашей деревне, не хватает одного человека для Миньяна. Пойдемте со мной и станьте тем десятым евреем! Несмотря на ваше прошлое, если вы сейчас искренне расскажете в своих ошибках, Б-г вас примет, ибо Он милосердный и всепрощающий. Вы наш десятый еврей, а Тора гласит: «Десятый будет посвящен Б-гу». Пойдемте!

Помещик долго смотрел на раввина напряженным и пытливым взглядом. Затем, не говоря ни слова, он снял со стойки в прихожей свой плащ. Закутываясь в него, он крикнул стоявшему где-то в глубине зала слуге, что выходит.

- Сегодня вечером меня не ждите!

Взяв свою палку с золотым набалдашником, он вышел с раввином на темнеющую улицу.

Тем временем в деревне ее простые жители, сначала просто пораженные происходящим, начали волноваться. Волнение сменилось на страх. Кто этот странный святой? И кто знает, какие бедствия он еще может навести на них с его неслыханными идеями? Но в конце концов они начали открывать свои молитвенники и находить уместные молитвы. Так они и сидели, пытаясь подавить свое замешательство погружением в молитву Тфила Зака, когда вдруг открылась дверь и вошел реб Лейб, по-прежнему одетый в свои *китель* и *цицит*, а сразу за ним – помещик. Он не поднимал глаз. По знаку раввина один из собравшихся людей дал помещику *талит*. Он завернулся в него, полностью покрыв голову и лицо.

Раввин подошел к шкафу со свитками Торы, вынул один из них, передал старейшему из собравшихся жителей деревни и начал напевать традиционную декларацию перед Коль Нидрей:

- С позволения Небесного суда и с позволения этой общины, мы разрешаем молиться с теми, кто согрешил.

И продолжил Коль Нидрей, с ее медленной и приятной традиционной мелодией Йом Кипура, а за ней и Маарив.

Итак, Миньян был. Как это раввину удалось, никто не знал. Но был теперь в комнате десятый человек, в юго-восточном углу, высокая, худая фигура, укрытая в *талит*. А из-под *талита* выступали колени в голубых вельветовых брюках, белые шелковые чулки и начищенные черные кожаные туфли, какие были тогда в моде у дворянства. И простые люди задрожали...

И так, продолжая дрожать, молились они вслед за своим ведущим. Еще никогда, даже в Йом Кипур, они так не молились. По щекам свободно текли слезы, смягчились сердца. Когда начали исповедоваться, то вдруг проявили готовность раскаяться в деяниях, которые и за грехи никогда не считали, и исправиться во всем. Не происходило ли в этой комнате само великое чудо раскаяния? И каким-то образом они чувствовали, что

Десятый еврей

прощение за их собственные грехи было неразрывно связано с прощением грехов помещика, и они старались ему помочь. Когда раввин возглашал: «Да поднимет Он наши вечерние молитвы...», они чувствовали какое-то странное возвышение. А когда выпевал: «Ибо как глина в руках гончара, так мы в Твоих руках...», они видели, какими извращенными стали их души в жестокой борьбе за выживание, и молились Гончару, чтобы переделал их...

Когда уже поздно вечером они уходили, незнакомцы, раввин и помещик, продолжали стоять в своих углах. Наутро их застали за оживленной беседой и не приближались к ним, пока раввин не начал молитвы. Весь день помещик продолжал стоять, лицом к стене, погруженный в молитву, время от времени сотрясаясь от рыданий.

С наступлением вечера, после того, как были произнесены традиционные фразы с Именами Б-га, помещик подошел к открытому шкафу со свитками Торы, встал к нему вплотную и начал кричать изо всех сил:

- ХаШем – истинный Б-г!

И, прокричав это семь раз, упал замертво.

Раввин остался на похороны раскаявшегося. А затем отправился на дальнейшую миссию - освобождать арестованных евреев.

И до конца своей жизни в каждый Йом Кипур реб Лейб Сорес отмечал *йорцайт*, годовщину смерти раскаявшегося и произносил Кадиш за возвышение его души.

O. Y. Baddiel

London, England

O. И. Баддиль

Лондон, Англия

Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.

Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.